

Офицер Чжоу Вэйминь из местного отделения полиции был прикомандирован к изолятору Первой больницы Юньчэна. Его задачей была охрана внешнего периметра, поэтому хаос, вспыхнувший внутри, он почувствовал первым.

Шла вторая половина ночи. Неоновые вывески города потускнели, небо затянуло глухой пеленой — ни звезд, ни луны. Воздух замер, тяжелый и душный, словно перед грозой, которой не суждено было случиться. Главная дорога перед входом в больницу пустовала; безмолвный город, зажатый в тисках крошечной тьмы, рождал в душе необъяснимую тревогу.

Чжоу Вэйминь отхлебнул крепкого чая из термоса и, чтобы окончательно прогнать сон, принялся рассматривать в телефоне фотографии дочери. Внезапно тишину разрезал короткий, захлебнувшийся крик. Офицер вздрогнул, сонливость как рукой сняло.

— Просыпайся, в больнице что-то стряслось! — он толкнул коллегу, который дрых без задних ног, уткнувшись лицом в стол. Не дожидаясь, пока тот протрезвеет, Вэйминь схватил дубинку и бросился к дверям.

В вестибюле на первом этаже царил мертвая тишина. Глубокая ночь — покой казался естественным, и на мгновение Чжоу Вэйминь даже подумал, что крик ему причудился в полудреме. Но тут его взгляд упал на стойку регистрации.

— Что там? Что случилось? — в зал вбежал запыхавшийся напарник, на ходу поправляя форму и сжимая электрошокер. Увидев, что всё вроде бы спокойно, он недовольно проворчал: — Да тихо же всё, брат Чжоу. Видать, приснилось тебе спросонья.

Однако, проследив за взглядом старшего товарища, молодой полицейский осекся. Холодный пот градом покатился по его спине.

Обычно за стойкой всегда дежурила медсестра. Сейчас там было пусто. На полу валялись разбросанные бумаги, опрокинутая чашка всё еще капала, и коричневые капли кофе, точно бусины с порванной нити, сливались в багровую лужу на полу. Брызги крови запятнали низ стойки и тянулись рваным следом вглубь коридора.

— Брат... Брат Чжоу... — парень был совсем зеленым выпускником, державшим пистолет только на стрельбищах. Столкнувшись с явным местом преступления, он инстинктивно прижался к надежному плечу старшего товарища.

— Зови на подмогу, — Чжоу Вэйминь крепче сжал дубинку и пошел по кровавому следу.

Изолятор занимал пять этажей: первый — приемный покой, второй — администрация, третий и четвертый были отданы под пациентов с тяжелой лихорадкой, а пятый пустовал.

Кровавые пятна привели Вэйминя на второй этаж и обрывались у одной из дверей, но тел

внутри не оказалось. В кабинете дежурного врача горел свет, над чашкой чая еще вился едва заметный парок — значит, человек ушел совсем недавно...

Тревога в груди нарастала. Полицейский замер у лестницы, ведущей на третий этаж, и посмотрел вверх. Там зияла чернота, густая и вязкая, точно взгляд самой бездны.

Стиснув дубинку обеими руками, Чжоу Вэйминь начал осторожно подниматься. Но не успел он преодолеть и пролета, как на него едва не рухнул человек. Хорошая реакция спасла офицера от падения: он хотел было отпрянуть, но понял, что за спиной лестница — если он уклонится, беда лага скатится вниз.

Вэйминь подхватил налетевшую на него фигуру, едва удержавшись на краю ступени.

— Вы в по... — слова застряли в горле.

Девушка была вся в крови. Из зияющей дыры на шее толчками выплескивалась багровая жижа, голова была вывернута под невыносимым углом. Половина её одежды пропиталась кровью, которая тут же запачкала форму полицейского. Шансов выжить не было. В искаженном от ужаса лице едва угадывались черты той самой медсестры — вечно щебечущей и неунывающей.

Увидев Чжоу Вэйминя, она посмотрела на него с безумной надеждой.

— Спа... х-х-х... си... — Договорить она не успела. Голова безжизненно мотнулась, и девушка обмякла в его руках.

Вэйминь на миг оцепенел, и в это мгновение из-за спины мертвой медсестры метнулось нечто, похожее на хвост скорпиона. Острое жало прошило тело девушки насквозь, нацелившись прямо в грудь полицейскому.

Раздался противный визг, и жало мгновенно втянулось обратно.

Чжоу Вэйминь вскинул голову и увидел на потолке человекоподобную тварь. Тело человеческое, но вместо ног — нечто уродливое, а сзади — мощный хвост больше метра длиной. На кончике жала еще дрожали ошметки плоти. Тварь смотрела на него алыми, полными ледяного голода глазами, словно на кусок сырого мяса.

— Брат Чжоу, ты цел? — молодой полицейский подлетел к нему, тяжело дыша. — Я передал, чтобы вызывали подкрепление, и сразу к тебе. Что это за хрень?! Мы вообще еще на Земле?

Связь не работала, и теперь оставалось только ждать, пока подмога доберется своим ходом. А пока им двоим нужно было выяснить, что здесь происходит.

На их глазах монстр облизнул губы раздвоенным языком. Иссиня-черный хвост в предвкушении хлестнул по воздуху, с легкостью распарывая штукатурку на стенах.

Чжоу Вэйминь, не отрывая взгляда от монстра, осторожно прислонил остывающее тело девушки к стене и выкрутил мощность дубинки на максимум. Эту новую экипировку им выдали совсем недавно; тогда напарники еще шутили, зачем патрульным такие «убойные» игрушки. Теперь ответ стал очевиден.

Воздух затрещал от электричества. Вэйминь с решимостью камикадзе бросился вперед.

Тварь, наученная горьким опытом столкновения с током, попыталась уклониться, но её тело еще не до конца адаптировалось после мутации. Огромный хвост, который должен был служить защитой, только мешал, замедляя движения. Дубинка с размаху впечаталась в плоть монстра.

Чжоу Вэйминь навалился всем весом, не разжимая рук, пока по лестничной клетке разносился истошный визг жарящейся твари. Лишь когда неуправляемый хвост начал вслепую молотить по стенам, полицейский отпрыгнул в сторону.

Разъяренный монстр, подстегиваемый болью и голодом, стал двигаться быстрее. Жало метнулось к Вэйминю, меняя направление на лету, но тут в дело вступил молодой напарник, удачно приложив тварь электрошокером.

Человеко-скорпион только-только пробудился и был безумно голоден. Поняв, что с этими двумя совладать будет непросто, остатки его затуманенного разума взяли верх над инстинктами. Тварь сделала ложный выпад, перемахнула через головы полицейских и, подхватив тело медсестры, скрылась во тьме коридора, ловко перебираясь по потолку.

Чжоу Вэйминь в ярости ударил кулаком в стену. Его напарник согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

— Брат... Брат Чжоу, что дальше?

Они уже были на третьем этаже. Впереди, в зоне изоляции, слышалось подозрительное шуршание.

— Помнишь «Кодекс выживания в конце света»? — спросил Вэйминь.

Он не любил интернет, но этот Кодекс обсуждал весь участок, пока автора не пропесочило начальство. Содержание врезалось в память.

— Если там была правда, то те, кто в лихорадке, могут проснуться либо людьми, либо... этими. Нельзя оставлять незащищенных здесь. — А еще нельзя выпускать этих тварей к людям!

Вэйминь знал, что о нем говорят коллеги: упрямый, слишком правильный, «святоша». С его стажем он давно мог сидеть в кресле начальника, но всегда пропускал вперед молодых и дерзких. Его это не задевало. У каждого свои принципы, и для Чжоу Вэйминя вера в то, что он служит людям, была стержнем. Он любил помогать, и люди платили ему тем же — пока он пропадал на сменах, соседи присматривали за его дочерью как за родной.

Третий этаж кишел опасностью. Они были вдвоем. Никто бы не осудил их, если бы они отступили и дождались спецназа с автоматами. Но там, за дверями, были не только монстры. Там были сотни спящих, ничего не подозревающих людей.

Кем бы они ни проснулись, сейчас они — люди. И семьи доверили их жизни полиции.

— Сяо Су, — твердо сказал Чжоу Вэйминь. — Спускайся вниз. Жди на входе. Если я не выйду через полчаса — заблокируй все выходы, выведи из строя лифты. Ни одна тварь не должна покинуть здание.

— Брат Чжоу!

Вэйминь замер, не оборачиваясь.

— Если не трудно... присмотри потом за моей дочкой. Просто отвези её в безопасное место.

Он поправил форму и твердым шагом вошел в темноту.

Этой же ночью И Баньбань резко пришел в себя. Оказалось, он лежит на полу прямо в прихожей. Из-за вечного завала на работе уборка в квартире не делалась сто лет, пыль забила в нос, и парень закашлялся.

Он сел, разминая затекшее тело. Кости хрустнули, но вместо привычной ломоты он почувствовал странную легкость. Даже поясница, вечно нывшая от сидячей работы, больше не беспокоила.

«Неужели я пробудился?!» — сердце Баньбаня затрепетало.

Он принял серьезный вид, сосредоточился и приказал:

— Явись, моя сила!

Тишина.

— Лунная призма, дай мне силу! — он зажмурился.

Ничего не произошло.

И Баньбань нахмурился. Может, нужны другие слова?

— Я — тот, кто связывает миры! Внемли моему зову, открой врата! Пробудись, тайное пламя!

Прошло пять минут. В животе громко заурчало.

Парнишка поник. Ну конечно, какая удача, он же с детства был ходячим несчастьем.

Он сварил себе ведро лапши, не пожалел двух сосисок и яйца. Когда горячий бульон и ядерные специи прояснили разум, Баньбань вспомнил, что произошло до обморока.

Проклятье! Он же обещал присмотреть за Ли-гэ! Столько времени прошло, как он там?

Бросив недоеденную лапшу, Баньбань выскочил в коридор и забарабанил в соседнюю дверь. Спустя вечность дверь приоткрылась. В щели показался настороженный глаз Ли-цзе.

— Извините, Ли-цзе! Я сам в лихорадке свалился, только глаза продрал. Как Ли-гэ? Пришел в себя? Давайте я помогу дотащить его до больницы!

Лицо хозяйки квартиры, бледное и осунувшееся, скрывалось в тени. В её глазах на миг промелькнула такая ядовитая зависть, что черты лица исказились.

— Тоже в обмороке был? И как, ничего не болит?

Баньбань, надеясь, что сосед тоже стал «пробужденным», не заметил странного тона. Он почесал затылок и широко улыбнулся:

— Да вроде нормально. Проспал на полу и даже не простудился, сил — хоть отбавляй. А Ли-гэ как?

Ли-цзе сверлила его взглядом.

— Ли-цзе? — парень поежился под её тяжелым взглядом. — Если всё хорошо, я тогда завтра зайду...

— Твой Ли-гэ очнулся, — перебила она. — Только голодный очень. Постоянно есть просит. —

Она шире распахнула дверь. — Заходи. Ты же у нас добрый малый, пока своими глазами не увидишь — не успокоишься.

Баньбань, не успев ничего сообразить, оказался внутри. Дверь за его спиной захлопнулась с тяжелым, окончательным щелчком. Сердце предательски екнуло.

В квартире стоял странный, тошнотворный запах, от которого выворачивало наизнанку. Свет в гостиной был приглушенным, желтоватым, превращая углы в скопище зловещих теней. Хозяйка была в пижаме, поверх которой накинула тяжелую куртку мужа. Огромная одежда делала её фигуру еще более хрупкой и жалкой.

Баньбань по привычке направился к спальне.

— Ли-цзе, вы бы сами прилегли. Вид у вас совсем неважный. Не хватало, чтобы вы следом за мужем слегли.

— Всё в порядке, — улыбка женщины наполовину терялась в сумраке. — Просто устала. Отдохну — и всё пройдет.

Внезапно дверь боковой комнаты бесшумно открылась. Баньбань вздрогнул.

— Бабушка Ли! Извините, что так поздно расшумелись.

Старуха выглядела жутко: глубокие морщины в неверном свете ламп казались шрамами.

— Раз знаешь, что шумишь — нечего было приходить. Ночь на дворе, а ты в чужой дом лезешь. Где твои манеры? Уходи!

Бабушка Ли и раньше была не слишком разговорчивой, но такой резкости себе не позволяла. Видимо, он действительно её разозлил.

— Простите, — Баньбань засуетился, — я уже уйду. Завтра загляну.

Он уже взялся за ручку входной двери, но Ли-цзе вцепилась в его рукав.

— Да ладно тебе, мама. Сяо И от чистого сердца пришел. Иди спать, Наньнань в комнате одна, вдруг с кровати свалится.

Ли-цзе смотрела на старуху в упор. Та что-то прошептала, бросила на Баньбаня долгий, непонятный взгляд и скрылась в своей комнате.

Парень почувствовал себя неловко — из-за него в семье назревал скандал. Он снова попытался уйти, но Ли-цзе была непреклонна.

— Ли-гэ о тебе спрашивал, волновался. Глянь на него хоть одним глазком, и иди с миром.

Пришлось согласиться. Они подошли к спальне. Баньбань уже начал толкать дверь, оборачиваясь, чтобы что-то сказать, как вдруг сильный толчок в спину вшвырнул его внутрь.

Не успел он обрести равновесие, как в лицо пахнуло мертвечиной. Инстинкты сработали быстрее разума: Баньбань кувыркнулся по полу, уходя от броска, и забился в угол. Только тогда он понял, на что наткнулся.

Это был труп. Живой труп, привязанный к спинке кровати веревками, которые позволяли ему метаться по комнате. И у этого трупа было лицо Ли-гэ.

— Ли-цзе... Ли-цзе! — голос Баньбаня дрожал. Он не знал, на кого смотреть: на рычащего мертвеца, пытающегося дотянуться до его горла, или на женщину, которая только что толкнула его в эту пасть.

Ли-цзе увидела, что жертва спаслась. Её хрупкая психика окончательно рухнула.

— Почему не ты?! Почему ты проснулся нормальным?! — она кричала, срываясь на визг, её лицо исказила гримаса ненависти. — Ты — сирота, никому не нужный щенок! Если бы ты подох, никто бы и не заметил! А мой муж... Мой муж стал этим! Как мне теперь жить?! Как растить ребенка?!

Баньбань застыл, раздавленный этой волной чужой злобы. Голоса в голове слились в гул, виски сдавило железным обручем. Он просто хотел сбежать отсюда.

Ли-цзе сорвала с себя тяжелую куртку. Её пижама была в лохмотьях и пятнах крови. На левой руке не было мяса — до самой кости. Женщина скармливала себя мужу-зомби.

Запах крови заполнил комнату. Почуввав свежую плоть, зомби обезумел. Он рвался к жене, кровать ходила ходуном, веревки начали ослабевать. Но обезумевшая женщина ничего не замечала.

Она хохотала, раздирая ногтями лицо в кровь.

— Мы так радовались, когда он открыл глаза... Но он хотел мяса. Только сырого, теплого мяса. Где я его возьму?! А он капризничал, как маленький, не давал нам спать... Я давала ему себя. Я хотела стать с ним одним целым!

Ли-цзе вдруг затихла и посмотрела на Баньбаня с жутким восторгом:

— Но я не могу умереть! Кто о нем позаботится? Мать от него отреклась, даже родная мать! Только я осталась... Сяо И, мы же к тебе так хорошо относились. Пора возвращать долги. Ты один в этом мире, по тебе и плакать некому. Одна жизнь ради счастья целой семьи — честный обмен, правда? Иди к нему, Сяо И. Пусть укусит. Это не больно...

Она шагнула к нему, её глаза светились безумием. Баньбань в ужасе вжался в стену. Его движение стало последней каплей.

— Почему ты не хочешь?! Тварь неблагодарная! Мы столько для тебя сделали!

Ли-цзе стояла у двери, Баньбань — в углу. Между ними была кровать и мечущийся монстр. Женщина бросилась на парня, надеясь схватить его и швырнуть мужу, но в этот момент веревка лопнула. Зомби, точно сорвавшийся с цепи зверь, повалил жену на пол и впился ей в горло.

Всё закончилось в секунду. Ли-цзе даже не вскрикнула — хрустнули шейные позвонки, и её остекленевшие глаза уставились на Баньбаня с неммым укором.

Парень, дрожа всем телом, начал медленно подниматься, держась за стену. Пока зомби был занят трапезой, был шанс проскочить по кровати к выходу. Он не сводил глаз с зомби, но ноги не слушались. Он споткнулся, колено с глухим стуком ударилось о деревянную стойку.

Зомби резко обернулся.

Баньбань похолодел. От страха ноги стали ватными, он запутался в простынях и рухнул обратно на матрас. Зомби уже готовился к прыжку, когда дверь спальни распахнулась.

Бабушка Ли стояла на пороге с огромным железным тазом в руках. Она с такой силой шарахнула им по стене, что у Баньбаня заложило уши. Зомби, дезориентированный грохотом, переключился на новую цель.

— Нет! Уходите! — Баньбаню показалось, что время замедлилось. Гнев и отчаяние захлестнули его. Он не мог допустить еще одной смерти.

Когда он пришел в себя, зомби лежал на полу с разможенной головой. Вокруг растекалась густая серо-бурая жижа. В руках у Баньбаня был тяжелый кирпич. Откуда он взялся — парень не знал, но кровь на его гранях подтверждала: это он нанес удар.

— Я... я убил его... — он сполз по стене, содрогаясь в рыданиях.

Гора Дацин, окраины Сянчэна.

Здесь, среди живописных лесов, расположилась съемочная площадка исторической драмы. Когда связь с миром прервалась, режиссер только обрадовался — никакой суеты, можно работать в тишине.

Беда пришла незаметно. Сначала пропал любимец группы — огромный хаски, которого использовали в кадре вместо волка. Пес сорвался с цепи и ушел в лесную чащу. Двое рабочих, отправившихся на поиски, так и не вернулись. На следующее утро в кустах неподалеку от лагеря нашли обглоданные кости. Режиссер запаниковал и приказал сворачивать съемки, но было поздно.

Из леса вышла стая. Огромный хаски, ставший в три раза больше, возглавлял её. Его глаза горели багровым голодом, а с морды, испачканной в свежей крови, капала вязкая слюна.

Люди в ужасе бросились врассыпную. В этой кровавой гонке больше не было звезд и массовки — были только охотники и жертвы.

Цзянь Чэньцзюнь неслась через лес, чувствуя, как легкие разрываются от боли. Во рту стоял отчетливый привкус железа, ноги налились свинцом, каждое движение отдавалось острой болью в сведенных судорогой мышцах. Но она не смела остановиться. Ей не нужно было быть быстрее всех. Достаточно было просто не быть последней.

Она мысленно благодарила своего агента, который заставлял её часами потеть в спортзале.

Крики сзади становились всё тише, волчий вой — всё глуше. Ей казалось, что спасение уже близко, она видела светлую поляну впереди. Но в этот момент сильный толчок в спину сбил её с ног.

Мимо промелькнули розовые туфли на шпильках.

Чэньцзюнь знала эти туфли. Это была Су Цзинъи, её давняя соперница.

Актриса попыталась подняться, но бегущая следом толпа просто растоптала её, вминая в грязь. Чья-то нога с хрустом опустилась на её позвоночник, боль на миг ослепила. Цзянь Чэньцзюнь лежала в траве, вонзив пальцы в мягкую землю, и смотрела, как розовые лодочки скрываются за деревьями.

Все убежали. Её оставили здесь как откуп для хищников.

Горячее дыхание коснулось её затылка. Первые зубы сомкнулись на её плече, и Цзянь Чэньцзюнь закричала, понимая, что это конец. Было... очень больно.

<http://bllate.org/book/17473/1697704>